

Поэтика вещи в книге сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка»

Ирина Николаевна Иванова¹, Ольга Ивановна Лепилкина²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, корпус 20, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna[at]mail.ru

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, корпус 20, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-7310-7197. E-mail: olepilkina[at]ncfu.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Иванова И. Н., Лепилкина О. И., 2024

Аннотация. В статье рассматривается вещный мир П. П. Бажова как эстетическое единство. Книга сказов уральского писателя — уникальный художественный мир, структура которого определяется системой нескольких базовых оппозиций. Это мир, максимально насыщенный вещами: предметами быта (повседневная жизнь людей), одежды (социальный статус, маркировка своих / чужих), инструментами и орудиями промысла (ключевые темы ремесла / мастерства) и т. д. Особую роль в этом предметном мире играют изделия мастеров, синтезирующие функции бытовой вещи, артефакта и волшебного предмета, и собственно волшебные предметы, полученные от дарителя, но функционально, как правило, отличающиеся от своих собственно сказочных аналогов, распространенных в традиционном русском фольклоре и литературной сказке на основе фольклорных сюжетов. Система образов-вещей у П. П. Бажова включает и специфическую категорию «человек как вещь», связанную с основными конфликтами книги, изображающей основанную на крепостном праве горнозаводскую цивилизацию. В целом своеобразие вещного мира «Малахитовой шкатулки» определяется

«пограничной» природой жанра сказа, его сложными отношениями с фольклором, а также уникальностью бажовского эстетического эксперимента.

Ключевые слова: вещь, поэтика вещи, сказ, П. П. Бажов, Урал, волшебный предмет, артефакт, русская литература XX в.

Для цитирования: Иванова И. Н., Лепилкина О. И. Поэтика вещи в книге сказов П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка»// Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 88–104
DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-88-104

The Poetics of Things in the Book of *Skaz* (Folk Tales) «The Malachite Casket» by P. P. Bazhov

*Irina N. Ivanova*¹, *Olga I. Lepilkina*²

¹North-Caucasus Federal University (1, bldg. 20, Pushkin St., 355009 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna[at]mail.ru

²North-Caucasus Federal University (1, bldg. 20, Pushkin St., 355009 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-7310-7197. E-mail: olepilkina[at]ncfu.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ivanova I. N., Lepilkina O. I., 2024

Abstract. The article deals with P. P. Bazhov's world of things as an aesthetic unity. The book of *skaz* (folk tales) of the Ural writer is a unique artistic world, the structure of which is defined by a system of several basic oppositions. It is a world extremely full of things, such as household items (people's everyday lives), clothes (social status, the «us-them» divide), instruments and tools of craft (key topics of handicraft / craftsmanship) etc. A special role in this objective world is played by artisan products that combine the functions of a household item, an artefact and a magical object, and magical objects per se that are received from a donor but are usually different in function from their proper fairytale

counterparts, which are common to the traditional Russian folklore and literary fairytales based on folklore stories. Bazhov's system of images-things also includes a specific «human as a thing» category that is connected with the main conflicts of the book depicting serfdom-based mining civilization. Generally, the peculiarity of the world of things in «The Malachite Casket» is defined by the «borderline» nature of the *skaz* genre, its complex relationship with folklore and the unique character of Bazhov's aesthetic experiment.

Keywords: thing, poetics of things, *skaz*, Bazhov, Ural, magical object, artefact, Russian literature of the 20th century

For citation: Ivanova I.N., Lepilkina O.I. The Poetics of Things in the Book of *skaz* (folk tales) «The Malachite Casket» by P.P. Bazhov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 1: 88–104. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-88-104

1. Введение

Творчество Павла Петровича Бажова, считавшегося в советское время едва ли не детским писателем, давно уже стало предметом серьезной литературоведческой рефлексии, о чем свидетельствуют многочисленные конференции, монографии, диссертации о различных аспектах его художественного мира [Харитоновна 2004; Ян Юйбин 2023; и др.], выпуск Бажовской энциклопедии [Бажовская энциклопедия 2007] и т. д. П. П. Бажов для Урала и России — не только создатель уральского текста, одного из наиболее разработанных локальных текстов в российском культурном пространстве, но и настоящий культурный герой, вдохновляющий современных писателей (А. Иванов, О. Славникова, А. Матвеева и др.) и литературоведов. Нельзя не согласиться с тем, что «Павел Бажов — творец уральской идентичности» [Иванов 2010: 131]. Мир П. П. Бажова, согласно современным исследователям, создавшего фольклор и мифологию уральской горнозаводской цивилизации едва ли не в одиночку (степень «фольклорности» / индивидуального авторства сказов, равно как и их жанровой природы, не входит в задачи нашего исследования), — это мир максимальной художественной конкретности, пристального внимания к жизни и труду героев, их быту и связанной с ним окруженности человека вещами. «Думаю, что без бытовой детали не выйдет живого ни в реальности, ни в фантастике» [Бажов 1980: 629]. Известно, на-

сколько трепетно относился П. П. Бажов к малейшей неточности (так, известна его негативная оценка романа Е. А. Федорова «Демидовы», поскольку там скитники просят отлить им колокол, хотя в действительности колоколов в скитах не было, в ходу были било и клепало) [Скорино 1980: 36]. Именно поэтому в сказах так мало, например, башкирского этноматериала (за исключением «Золотого Волоса»): П. П. Бажов, по его собственному признанию, знал многие легенды и истории, но не чувствовал себя уверенно во всем, что касалось конкретного вещно-бытового обихода башкир и других народов Урала, и не решился на художественную разработку башкирского фольклора.

2. Методология исследования

Предметом нашего исследования является поэтика вещи в классическом прецедентном уральском тексте П. П. Бажова. Основной применяемый в работе метод — метод описательной поэтики. Авторы учитывают достижения современного бажоведения, в первую очередь уральской научной школы [Слобожанинова 1998; Слобожанинова 2004; Бажовская энциклопедия 2007; Сутырин 2012; Жердев и др. 2019; Литовская 2020; Литовская и др. 2022; Ян Юйбин 2023; и др.], а также литературоведов, изучающих теоретические и практические аспекты поэтики вещи в художественном тексте [Тюпа 2001; Цивьян 2001; Ханинова 2012; и др.].

3. Результаты и дискуссия

Уникальность созданного П. П. Бажовым мира не только в своеобразии жанра (фольклорное жанровое определение появилось уже в советское время и «отличается от лингвистического или литературоведческого» [Иргит 2014: 75]). Важно, что писатель изображает специфическую уральскую «горнозаводскую цивилизацию» и связанный с ней особый тип личности героя — не крестьянина (как в среднерусском фольклоре и классической литературе XIX в.), а рабочего, мастера, имеющего другие отношения с землей, природой и вещами. П. П. Бажов «оказался, по сути, родоначальником нового взгляда на российского *homolaboris*. Внутренне свободный рабочий человек, по собственной инициативе и воле осваивающий тонкости профессии, мастер, достойно проходящий

все этапы личностной реализации, до этого героем в отечественной литературе не был» [Литовская 2020: 142–143]. Идентичность персонажей связана именно с «вещью» как результатом труда, отражением личности мастера, даже ремесленника. Не только ювелир, но и, например, углежог не представляет себя без «живинки в деле». «Герои Бажова — мастера, владеющие секретом особого „хрустального лака“, связаны с Тагилом и Невьянском, литейщики — с Каслями, а с Златоустом — чеканщики и мастера „огненного труда“, те, что знают „коренную тайность“, „как булатную сталь варить, как рисовку и насечку делать, как позолоту наводить“ [Скорино 1980: 7]. Отсюда особая роль вещного мира в бажовских сказах, на что указывают уже названия многих из них: «Малахитовая шкатулка», «Железковы покрывшки», «Чугунная бабушка», «Хрустальный лак», «Хрупкая веточка» и т. д.

Вещь-артефакт, вещь-произведение искусства — в центре мира П. П. Бажова. Она, как правило, активно участвует в сюжете и делает отношения в традиционной оппозиции «человек / вещь» (как живое / неживое, одушевленное / неодушевленное, одухотворенное / неодухотворенное) более сложными и диалектичными.

В аспекте данной темы представляется чрезвычайно важным замечание В. И. Тюпы: «С позиций персонализма, эвристически весьма плодотворного для эстетики, *произведение искусства тяготеет к полюсу личности, а не к полюсу вещи* (курсив наш. — И. И., О. Л.), оказывается или, во всяком случае, „сматрится“ личностью в широком, онтологическом значении этого слова» [Тюпа 2001: 21].

В мире сказов П. П. Бажова можно выделить пять основных групп вещей.

Первая — предметы собственно быта (одежда, посуда, мебель, постель и т. п.), все, что окружает человека в его непосредственной повседневности и создает необходимый фон повествования.

Вторая — инструменты и орудия производства, маркирующие принадлежность персонажа к определенной группе рабочих (мастеров, ремесленников, золотоискателей, старателей и т. п.) и связанные с его, персонажа, личностной идентичностью.

Третья — вещи-артефакты, «вещи-личности» (см. выше), созданные гением уральского мастера. К ним относятся не только

собственно предметы (малахитовые изделия, чугунные каслинские статуэтки, невяньские лакированные подносы, позолоченные сабли и т. п.), но и «непредметные» вещи, «вещи-вещества», например, аносовский булат, выплавляемая медь, «хрустальный лак», высококачественный уголь. Особая роль здесь принадлежит золоту, представленному то как песок (вещество), то в виде самородков («жужелки», «лапотки»), и, конечно, «камню», принадлежащему и к миру природы (как феномен «горы»), и к миру культуры (как изделие мастера, обработанный и ограненный камень).

Четвертая — волшебные вещи, магические предметы, дары нечеловеческих персонажей (Хозяйки, великого Полоза, Синюшки, Огневушки-Посакаушки, Голубой змейки). В отличие от аналогичных предметов, например, русской волшебной сказки, эти вещи, как правило, не функциональны (т. е. ими нельзя воздействовать на другие предметы, они не «выводят» и не защищают, но обладают собственным «характером», могут исчезнуть, увеличиться или уменьшиться, превратиться, обмануть — в зависимости от поведения персонажа.

Пятая — особая группа «человек как вещь». «Люди-вещи вбирают в свой плен вещи и людей... В класс вещей включены люди как объект (предмет) сделки, договора (пари)» [Ханинова 2012: 3]. Речь не только о крепостном праве, максимально и конкретно «овеществляющем» человека, но и о фактическом превращении в вещь (в пределе — в «пустую породу», как в «Приказчиковых подошвах») людей без души — жадного барина, глупой барыни, жестокого приказчика.

Основная функция вещей **первой группы** — создание фона повествования и характеристика быта персонажей. В этом смысле сказы П. П. Бажова не так уж сильно отличаются, например, от социально-бытовой среднерусской или северной сказки либо от литературных произведений, изображающих жизнь крестьян европейской России. Те реалии, которые могут быть непонятны читателю, П. П. Бажов, как правило, поясняет (издания «Малахитовой шкатулки» обычно сопровождаются словарем). Так, например, упоминаемые в нескольких сказах «обуточки» — не обувь вообще, а конкретно коты, очень популярная крестьянская обувь. «Бадожок» — не посуда или мини-ведерко (от «бадь»), а посох.

«Пониток» — верхняя одежда из домотканого сукна, «ремки» («ремье») — плохая одежда, лохмотья. В целом нельзя не заметить, что большая часть бытовых предметов внешне и функционально совпадает с аналогичными не-уральскими и не требует специальных пояснений.

Вообще у П. П. Бажова быт нигде не описывается подробно. «Чашки-ложки перемыть, скатерку стряхнуть, в избе-сенях венничком подмахнуть, куричешкам корму дать, в печке поглядеть» («Малахитовая шкатулка») [Бажов 1980: 58]. Интерьера нет почти совсем. Лишь в завершающем книгу очерке «У старого рудника» П. П. Бажов не без иронии описывает быт углежогов. «Дом был довольно просторный, с „горницей, через сени“. Горницей, однако, не пользовались. Там даже печь не топили, чтоб „ненароком не заглохло имущество в сундуках“. ...Пол был устлан половиками трех сортов (по числу невесток в семье), но сверх половиков были набросаны рогожи» [Бажов 1980: 574]. На кроватях «в полном уборе» никто не спит, сундуки тремя «горками» и «парадная» посуда — исключительно для чужих, чтобы показать, что здесь живут не хуже других. В «Железковых покрывах» минималистично описана мастерская («малуха») «В малухе, как полагается. Станок с кругами, печка-железянка. Чистоты, конечно, большой нет, а все-таки в порядке разложено...» [Бажов 1980: 130].

Наиболее интересно, конечно, описание одежды, которое в большинстве случаев маркирует социальный и материальный статус персонажей, и чаще всего по контрасту с другой социальной группой (барин и барыня, иностранцы, т. е. чужие).

Девочка Танюшка наивно созерцает дворцовую публику: «Погосподски одеты, и все в золоте да заслугах. У кого спереду навешано, у кого сзади нашито, а у кого и со всех сторон... И бабы ихние... тоже голоруки, гологруды, камнями увешаны» [Бажов 1980: 632]. Роскошное платье незнакомой красавицы (сама Танюшка в будущем) описывается через толстовское «остранение»: «И вся-то она изукрашена дорогими камнями, а платье на ней из зеленого бархату с переливом. И так это платье сшито, как вот у цариц на картинках. На чем только держится. Со стыда бы наши заводские сгорели на людях такое надеть» [Бажов 1980: 62]. Подлинность, скромная гордость заводского человека маркируется соответствующей одеж-

дой. Танюшка во дворец является, подвизавшись платочком и накинув на царское платье «шубейку» (у П. П. Бажова «шуба» только у господ, у детей, например, «шубейка-ветродуйка», «одежонка слабая», «обувка жиденькая», не позволяющая играть на морозе).

Дед Евлаха («Железковы покрышки») перед встречей с посланцем самого «Фабержея» не собирается наряжаться: какой есть. «Одет, конечно, по-домашнему: в тиковых подштанниках, в калошах на босу ногу, а поверх рубахи жилеточка старенька, вся в пятнах от кислоты» [Бажов 1980: 129]. По контрасту с одеждой Евлахи француз выглядит нелепо: «Одежа ... французского покрою, ботинки желтые, перчатки по летнему времени зеленые, на голове шляпа ведерком, а вся белая, ... в нашем заводе отродясь такой не видали» [Бажов 1980: 129]. Разумеется, «белощляпый» не может понимать подлинную красоту и душу камня и то, почему русский мастер отказывается продавать секрет за любые деньги.

Андрюхе («Две ящерки»), попавшему к Хозяйке, предоставлен выбор: «одежа ... барская, купецкая, рабочая». Герой выбирает рабочую, «как ему привычно», и это тоже часть испытания [Бажов 1980: 142].

Еще одна функция одежды, помимо социально-бытовой и функцией контраста, — принадлежность героя волшебному миру. Хозяйку узнают по малахитовому платью, меняющему цвет, и переливающейся ленте. Великий Полоз, являясь перед героями человеком, все же «одет не по-нашенски. Кафтан это на ём, штаны — все желтое, из золотой, слышь-ко, парчи... пояс тоже из парчи, только с зеленою. Шапка желтая, а справа и слева красные зазоринны, и сапожки тоже красные» [Бажов 1980: 129].

В целом же положительные герои никогда не придают одежде большого значения, не стремятся одеться богаче, чем положено по статусу, и казаться не тем, чем они являются.

Из бытовых вещей хотелось бы выделить подушку («Синюшкин колодец»), символическую функцию которой («психотерапевтическую, «успокоительную» функцию подушки как *эманации материнской защиты, безопасности, семьи, родни, дома*») подробно описала Р. М. Ханинова [Ханинова 2012: 41]. Подушку (точнее, перья для подушки) внуку Илье много лет собирает бабка Лукерья («спасибо за перья», даже ритмически и рифмой связанная с пером

/ подушкой). Это не просто перо, а «поминок» от бабки, спасительная функция которого (подушка так и не была сшита, перья из решета украли) настолько мощная, что действует даже через оставшиеся три перышка. В тоже время Лукерья предупреждает внука «не гнаться за подушкой» (т. е. не слишком увлекаться бытом, хозяйством, не думать о «богачестве»). Такую же подушку, по замыслу Лукерьи, должна принести будущая жена Илюши, и, действительно, девушка Синюшка приносит ему богатство в решете из-под тех самых перьев. Важно, что перья из метонимической несостоявшейся подушки не спасают любого, их оберегающая власть рассчитана только на родного человека и передается через женщин семьи (подушка — женское начало).

Вторая группа вещей — это, конечно, «струмент», т. е. инструменты и орудия производства. Роль «струмента» во вселенной П. П. Бажова, конечно, трудно переоценить: без него нет мастера, нет создания красоты.

Именно к этой группе можно отнести слова Т. В. Цивьян: «Вещь ... является его (человека) постоянным спутником (*имуществом*), *основным строительным элементом его мира*, т. е. микрокосмоса (выделение автора. — Т. Ц.)» [Цивьян 2001: 121]. Исследователь связывает тему мастерства с космологическим мифом, с творением мира, где само «творение мира уподоблено *изготовлению вещи с помощью других вещей-инструментов* (выделение автора. — Т. Ц.)» [Цивьян 2001: 121].

Нехитрые инструменты — кайло (кайла, каёлка), ковш, балодка (молот-кувалда), молоток, пила, лопата — сопровождают старателя (рабочего, мастера) и неотделимы от его человеческой сути. Личностная реализация происходит через инструмент, через человеческое отношение к нему.

Это и пытается объяснить «удачник» Гриньша Рыбка («Круговой фонарь»), пытающийся выведать его «тайность»: «Простое, скажем, дело литовку отбить, либо пилу наточить. Всяк будто умеет, а на поверку выходит — из сотни один, вот я и гляжу, у кого литовка самоходом идет и мохров не оставляет, у кого пила сама режет» [Бажов 1980: 446]. Согласно Гриньше, надо учиться у тех, кого инструмент слушается, и смотреть вокруг себя. Тот же сказ строится на метафоре блёнды — шахтерского фонаря. Люди здесь

сравниваются с лампами разного типа и мощности: «ламплёшка, которая кверху коптит», ничто против блёнды, сама же блёндочка против шахтного фонаря «мизюкалка мизюкалкой». Но есть еще и круговой фонарь: «много больше блёнды, светильная у него потолще и какие-то в нем угольчатые стеклышки круговой лесенкой ставились» [Бажов 1980: 443]. Вот с таким фонарем сравниваются люди, подобные Гриньше, освещающие путь не только себе, но и всем вокруг.

«Черемуха» (огромный лом), «насос-подергуша» («Рудяной перевал») и другие орудия производства, описанные в сказе, выполняют еще одну функцию: сравнение прежних времен (время действия) и нынешних (время рассказывания — в «Круговом фонаре» советская реальность). У П. П. Бажова, как правило, технический и социальный прогресс сопровождаются прогрессом личностным (время создания «Шкатулки» — конец 30-х – 40-е гг. XX в., что не могло не отразиться в ней). Прославляя нынешний «свет», писатель противопоставляет ему работу и быт заводских рабочих XVIII–XIX вв., и в предметном мире сказов это, естественно, выражается. Так, еще один аспект применения «струмента» — превращение его в оружие в случае необходимости.

Жестокий приказчик Северьян («Приказчиковы подошвы») боится спускаться в гору один и без оружия: «Всякий с орудией какой-нибудь... Клещами двинуть может, молотком садануть, сгибнем либо полосой брякнуть, а то и плахой ахнуть... Могут и в валок либо в печь головой сунуть» [Бажов 1980: 150].

Отсюда и огромное количество в сказах «струмента» особого рода — собственно оружия. У Северьяна «плетка в два песта толщиной, с подвитым кончиком» [Бажов 1980: 150], пистолет; у его свиты — палки, пистолеты, сабли.

Обилие таких вещей в сказах не просто соответствует жестокости изображаемых времен, но и обозначает протестный потенциал заводского народа, его готовность защищать свое достоинство рабочего. Так, прославилась камча девушки Дуняхи, сбжавшей с завода и появляющейся, чтобы избить очередного притеснителя, особенно того, кто преследует девушек («Кошачьи уши»). «Дуняхина плетка» словно существует отдельно от владелицы, метонимизирует ее в предмет, действующий в народном сознании почти

самостоятельно. Характерно, что русская девушка выбирает в качестве орудия мести башкирскую камчу (т. е. ответ угнетателям от коренного народа, от самого Урала).

Третья группа — наиболее репрезентативная, именно ее вспоминают в первую очередь читатели «Малахитовой шкатулки». Это вещи-артефакты, обладающие душой и являющие красоту мира, вещи, роль которых не может быть сведена к чистой предметности.

Т. В. Цивьян пишет о «*привязанности* (и в смысле зависимости, и в смысле „дружеских чувств“) к вещам и *одушевлению* (выделение автора. — Т. Ц.)» подобной вещи [Цивьян 2001: 123], о любовании такой вещью, приобретающей особый онтологический статуси особую ценность, не сводимую к ценности материала (камня, металла) и даже работы.

К этой группе принадлежат вещи-артефакты из наиболее известных сказов, связанных с центральной для П. П. Бажова темой мастерства: мастерства как достоинства и мастерства как трагедии. Вещь, сделанная мастером, — больше чем вещь, она — эстетический объект, предмет особого отношения и в качестве такового приобретает черты «как бы личности» [Тюпа 2001: 22].

Наиболее значимыми в аспекте данной подтемы являются сказы «даниловского» микроцикла: «Каменный цветок», «Горный мастер» и «Хрупкая веточка».

Если «Медной горы Хозяйка» и «Малахитовая шкатулка» («степановский» микроцикл) актуализируют скорее тему любви / равнодушия, человеческого / нечеловеческого, а тема мастерства в них связана с Танюшкой, дочерью Степана, то Данила-мастер, конечно, основной герой книги. Он одержим идеей совершенства, «живинки в деле». Его мир — мир сделанных вещей: «Бляшки... шкатулочки... подсвечники да украшения разные... У них ведь — у малахитчиков — дело мешкотное. Пустяковая ровно штука, а сколько он над ней сидит!.. А как выточил зарукавь-змейку из цельного камня, так его и вовсе мастером признали» [Бажов 1980: 87].

Именно Данила и его история в центре конфликта книги — конфликта между мастерством и человечностью. Если Прокопич и другие мастера не задаются экзистенциальными вопросами о красоте и смысле («Придумали — значит, им надо. Мало ли я всяких штук выточил да вырезал, а куда они — толком и не знаю»

[Бажов 1980: 89]), то Данила мечтает о высшей красоте, «чтобы полную силу камня показать» [Бажов 1980: 91]. Данила делает прекрасные вещи (чаша по барскому заказу), но это именно вещи, без той божественной искры, которая превращает вещь в «как бы личность». Он сталкивается с тяжелым выбором и выбирает мир человеческий — семью, людей, ремесло, даже мастерство, — но высшей красоты ему не достичь, Каменного цветка не сделать.

Менее трагична, чем судьба Степана и даже Данилы, участь Мити, сына Данилы, мастера по «каменной ягоде» («Хрупкая веточка»). Митя с самого начала не ориентирован на поиски совершенства, его устроит просто хорошая работа из дешевого камня. Хозяйка помогает ему, но не показывается: «пожалела, видно, горбатенького парня растревожить своей красотой» [Бажов 1980: 118]. Хрупкость Митюхиных изделий подчеркивает скорее не уязвимость красоты как таковой, а социальную незащитность мастера перед грубостью и вульгарностью барина. Восхитившись работой Митюхи, приказчик отбирает у него заветную веточку, укладывает в «бархатную коробушечку» (признание красоты и ценности) для дочери барина. Однако, узнав, что веточка сделана из дешевого камня, барин растаптывает ее. Ударив барина, надругавшегося над красотой и «дорогой выдумкой», Митюха исчезает навсегда (возможно, попадает к Хозяйке).

В этом же сказе поднимается вопрос о цене прекрасной вещи — не денежной стоимости, а человеческом здоровье и жизни. «Кругом в этом деле худо. Присадочный вар готовить — пыли не продохнешь, щбенку колотить — глаза береги, а олово крепкой водкой на полер разводить — парами задушит» [Бажов 1980: 115].

Сравнительно благополучную жизнь семьи Данилы барин вновь отравляет, увеличивая вдвое оброк, заставляя работать на износ.

Тема прекрасной вещи, выражающей душу камня или металла (душу мастера), — основная в сказах «Коренная тайность», «Железковы покрывки», «Хрустальный лак», «Иванко Крылатко» и других.

Внутри этой темы можно выделить два основных конфликта: непонимание (неблагодарность) начальства и противостояние наших и «чужих» мастеров (французов или немцев, стремящихся

выведать тайны мастерства). Так, мастера Швецова («Коренная тайность»), умеющего делать настоящий ановский булат, увольняют, считая, что обойдутся без него (якобы любой может сделать все по известному рецепту). Оскорбленный мастер говорит: «Все-то у вас деньги да деньги. Да я этими деньгами мог бы весь угол завалить, кабы захотел. Только тайность моя коренная. Ее не продают, а добром отдают, только не всякому» [Бажов 1980: 379].

Не понимают немцы прелести работ русского мастера, изобразившего крылатых коней («Иванко Крылатко»), однако настоящий знаток, русский генерал, выбирает в награду именно его саблю.

Волшебство каслинского литья, знаменитого на весь мир, славит П. П. Бажов в сказе «Чугунная бабушка», где опять-таки вещи-подделки (ширпотреб XIX в. по немецким чертежам) противопоставляются подлинному, живому искусству. Мастер Василий Торокин создает свою знаменитую бабушку с прялкой, которая вдруг начинает пользоваться огромным успехом, в том числе за границей. Характерно, что работа, созданная мастером-человеком, начинает преследовать глупую немку Каролину, чуть не испортившую все дело, приобретая черты одного из женских божеств бажовского пантеона: «Как останется в комнате одна, так в дверях и появится эта фигурка и сразу начинает расти. Жаром от нее несет, как от неостывшего литья» [Бажов 1980: 397].

Четвертая группа вещей — волшебные вещи, магические предметы, «дары от тайной силы», роль и функции которых недавно были изучены молодым китайским ученым уральской научной школы [Ян Юйбин 2020; Ян Юйбин 2023].

На наш взгляд, в сказах П. П. Бажова достаточно трудно отделить волшебные предметы от неволшебных. Потенциально в функции магического может выступить любой предмет, например, ржавая лопатка с расколотым черенком в «Огневушке-посакаушке», которая вытягивает героя из снега и ведет домой, ставя по пути зарубки, когда у него появляется такая мысль. Потом на этой лопатке оказываются «золотые таракашки», позволившие «годов с пяток в достатке пожить» [Бажов 1980: 253].

Простое решето бабки Лукерьи в руках Синюшки превращает ягоды в драгоценные камни. Волшебные персонажи мира П. П. Бажова вообще охотно пользуются бытовыми вещами, превращая их

в волшебные, что стирает границу между обычным и волшебным мирами, и без того гораздо менее отчетливую, чем, например, в русских сказках.

Магические предметы в сказах действуют иначе, чем в сказках. Они практически не функциональны, т. е. ими нельзя воздействовать на другие предметы, они не дают герою сказочных способностей и не защищают его от врагов. Зато они (включая металлы и камни) обладают собственным «характером», могут, например, увеличиться или уменьшиться (золотой песок в «Голубой змейке» в кошельках мальчиков), превратиться в смрад («Сочневы камешки»), исчезнуть, чтоб не искушать богатством, не испортить героев («Серебряное копытце») и т. д.

Украшения из малахитовой шкатулки, подаренной Хозяйкой невесте Степана («Медной горы Хозяйка»), не являются волшебными функционально, но ни купившая их у Настасьи барыня, ни сама Настасья носить их не могут. От бус исходит ледяной холод, от серег распухают мочки, палец в кольце синее, как закованный.

Для Танюшки же (символической дочери Хозяйки и Степана, ушедшей, в конце концов, к «матери») украшения теплые и даже мягкие, «будто кто-то гладит». Их «волшебность» проявляется и в невозможности подогнать или переделать (ювелиры отказываются, узнав «не здешних мастеров работу»), и в превращении камней в капли, когда Танюшка растворяется в стене дворца. Строго говоря, волшебной вещью в этих двух сказах является лишь пуговка, данная «странницей» Танюшке для связи и затем попавшая к обезумевшему «зайцу».

Пятая группа — «человек как вещь». Поскольку основная часть сказов описывает события XVIII–XIX вв., тем более с позиции советского писателя в контексте только что канонизированного социалистического реализма, то естественно, что автор не пройдет мимо темы крепостного рабства.

В ситуации, описанной П. П. Бажовым, трагедия человека-вещи не только в том, что его можно купить, продать, подвергнуть избиению, силой выдать девушку замуж или сделать любовницей приказчика либо барина, засечь до смерти (как «захлестали» старого мастера, учившего Андрюху («Две ящерки»)). Трагедия в том, что сознание своего достоинства, рабочая гордость, мастерство че-

ловека не позволяют ему считать себя вещью, в то время как таковой его считают барин и приказчик. «Демидовские прислужники по разным местам у помещиков покупали беглых крепостных с условием, — если поймают, на завод навсегда забрать» [Бажов 1980: 253]. На практике принимали «мертвые души» по чужим бумагам, и беглых, и башкир, староверов. «Эти, дескать, подешевле и ответу за них нет, — что хошь с ними делай» [Бажов 1980: 135].

«Сущностным, онтологическим антиподом вещи представляется отнюдь не интеллект (возможен искусственный, „вещный“), а личность» [Тюпа 2001: 20].

Можно утверждать, что герои П. П. Бажова обладают повышенным чувством личности, поскольку понимают свое достоинство как мастера (даже просто хорошего рабочего, мастерового) и свою уникальность.

Не удивительно, что несколько сюжетов связано с протестом героя, сопротивляющегося «овеществлению», касается ли это личной судьбы (Устюшка, Дуняха, Танюшка) или профессиональной (Данила, Иванко, Швецов, Евлаха, Иванко). В последнем случае дело не обязательно в конфликте крепостничества с гордостью мастера, «овеществить» героя стремятся все, для кого он имеет чисто функциональное значение.

Второй аспект темы «человек как вещь» связан с негативными личностными качествами героев, которых так любят испытывать Хозяйка, Полоз и другие нечеловеческие существа.

«Пустая порода» — можно сказать о Северьяне Убойце, Кузьке Двоерылко, Ваньке Сочне, глупой барыне, Яшке Облезлом, Костьке Левонтьевом, обманувшем родного брата, и других подобных персонажах. Такие люди-вещи, помешанные на стремлении разбогатеть любой ценой и добровольно поставившие себя в ряд «вещей», жестоко наказываются либо магическими существами, либо собственной жадностью и глупостью.

4. Выводы

Можно утверждать, что «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова — уникальный художественный мир, значительную роль в котором играют вещи. Вещный мир книги сказов можно разделить на пять основных групп, обладающих

собственной семантикой и функциональным назначением. Это предметы повседневного быта (одежда, посуда, мебель и т. п.), основной целью изображения которых в тексте является создание фона повествования и местного колорита. Это инструменты и орудия производства, занимающие важное место в организации жизни «горнозаводской цивилизации». Это вещи-артефакты, изделия из камня и металла, вещи, почти одушевленные и имеющие особый онтологический статус. Это волшебные (магические предметы), которых в произведении не так много, поэтому их функции под воздействием магии могут принимать обычные предметы. И, наконец, это особая группа «человек как вещь», необходимая для изображения одного из основных сюжетных конфликтов книги и постановки экзистенциальных и антропологических проблем.

Литература

- Бажов 1980 — *Бажов П. П.* Малахитовая шкатулка. М.: Правда, 1980. 640 с.
- Бажовская энциклопедия 2007 — Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская. Екатеринбург: Сократ; Урал. ун-т, 2007. 654 с.
- Иванов 2010 — *Иванов А. В.* Хребет России. СПб.: Азбука-классика, 2010. 272 с.
- Иргит 2014 — *Иргит А. Д.* Жанр сказа в русской литературе и творчестве Павла Бажова // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 74–79.
- Жердев и др. 2019 — *Жердев Д. В., Литовская М. А., Федотова Е. А.* Павел Петрович Бажов. Малахитовая шкатулка. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 896 с.
- Литовская 2020 — *Литовская М. А.* Образ Павла Петровича Бажова в современных российских СМИ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2(198). С. 138–150.
- Литовская и др. 2022 — *Литовская М. А., Созина Е. К., Приказчикова Е. Е.* [и др.]. П. П. Бажов в меняющемся мире: монография. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2022. 261 с.
- Скорино 1980 — *Скорино Л. И.* Павел Петрович Бажов // Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. М.: Правда, 1980. С. 5–42.
- Слобожанинова 1998 — *Слобожанинова Л. М.* «Малахитовая шкатулка»

- П. П. Бажова в литературе 30–40-х годов. Екатеринбург: Сократ, 1998. 174 с.
- Слобожанинова 2004 — *Слобожанинова Л. М.* «Малахитовая шкатулка» П. П. Бажова вчера и сегодня // Урал. 2004. № 1. С. 130–139.
- Сутырин 2012 — *Сутырин В. А.* Павел Бажов. Биографическое повествование. Екатеринбург: Сократ, 2012. 512 с.
- Тюпа 2001 — *Тюпа В. И.* Вещь и личность // Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. С. 20–22.
- Ханинова 2012 — *Ханинова Р. М.* Поэтика вещи в русской прозе XX века. Учеб. пособие. Элиста: Калм. ун-т, 2012. 188 с.
- Харитоновна 2004 — *Харитоновна Е. В.* Репрезентация русской ментальности в сказах П. П. Бажова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 22 с.
- Цивьян 2001 — *Цивьян Т. В.* К семантике и поэтике вещи // Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. С. 121–137.
- Ян Юйбин 2020 — *Ян Юйбин.* Малахитовые артефакты сказов П. П. Бажова: магический аспект образов // III Международная научно-практическая конференция молодых ученых «INITIUM». Художественная литература: опыт современного прочтения. Сб. статей. Вып. 3. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2020. С. 63–68.
- Ян Юйбин 2023 — *Ян Юйбин.* Магия камня и власть металла в сказах П. П. Бажова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УрФУ, 2023. 27 с.